

К 175-летию со дня рождения
Ивана Александровича
Гончарова

Воспитание ДУШИ.

Фотография
1860-х годов

ством литературы, крикливых заявлений, что «сапоги выше Шекспира», Гончаров оставался прежде всего художником. «В этом умении охватить полный образ предмета, отчеканить, изваять его, — подчеркивал Добролюбов, — заключается сильнейшая сторона таланта Гончарова».

Больше всего я люблю у Гончарова его путевые записки «Фрегат «Паллада» — вещь неожиданную для тех, кто уже прочитал его романы, но столь же добротную, по-гончаровски вылепленную. Какое это захватывающее и душеполезное чтение! К сожалению, литература странствий — книги о трудах и подвигах во имя Отечества — уходит из круга привязанностей современного юношества. Впрочем, по моим наблюдениям, читают сегодня вообще очень мало даже по сравнению с временами моего детства. Трудно поверить, но в соседней московской школе десятиклассники слыхом не слыхивали ни об Астафьеве, ни о Распутине, ни о Василе Быкове, ни об Айтматове, о которых столько сейчас говорят и пишут. Книга беспощадно вытесняется тем, что попроще, что не требует душевного напряжения, сочувствия, сопереживания. Писателям, может быть, и не нужны миллионы читателей. Но люди-то, не читая, сами себя обкрадывают.

Конечно, «Фрегат «Паллада» прочно укоренен в отечественной литературе. Были до него «Письма русского путешественника» Карамзина, был после «Остров Сахалин» Чехова. Но вот «Обломов» — откуда он, чем отозвался в литературе последующих десятилетий, ответить нелегко. По силам ли нынешней литературе такой всеобъемлющий тип русской жизни? На встречах с читателями нас все время спрашивают: где в литературе представитель той или иной профессии? — список профессий практически бесконечен. Про нефтяника, правда, перестали спрашивать. Видимо, нефтяник уже есть. А Обломов — кто он? «...Обломов», — говорил В. И. Ленин, — был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист». Вот какую книгу создал Гончаров, вот какой ориентир задал он русской литературе.

Как настоящий художник, Гончаров шире каких бы то ни было его толкований — и прижизненных, и посмертных. И можно понять, почему и «Обыкновенную историю», и «Обломова», и «Обрыв» ставят на сцене, переносят на экран. Получается более или менее удачно, но в любом случае восприятию классической прозы это мешает. Каждый читатель собственным творческим усилием воссоздает своего Обломова — и это лишь один из бесчисленного множества его живых вариантов. А кино навязывает всем одного Обломова, одного Райского, одного Адуева...

Убежден, Гончарова нужно не смотреть, а читать. Это так благотворно для воспитания души.

Владимир КРУПИН

КОГДА говорят «Гончаров», первое, чем отзываются душа и память, — «Обломов». Между этими словами самое короткое расстояние. А ведь есть у Ивана Александровича и другие знаменитые книги, и другие герои — хотя бы Вера, или старший Адуев, или матрос Фаддеев, особенно мною любимый. Вспомните, как автор говорит о нем: «Я изучил его недели в три окончательно... он меня, я думаю, в три дня». Тем не менее Гончаров — это прежде всего «Обломов», роман и его герой.

Мы вполне усвоили, что в лице Ильи Ильича Обломова писатель обличает пороки крепостничества, и, кажется, упустили из виду, что Гончаров в своих книгах обыкновенно сосредоточивался на том, что было ему близко, писал, по его собственным словам, свою жизнь и то, что к ней прирастало. Значит, видел в Обломове нечто такое, что ускользало даже от пронизательной критики или не принималось ею в расчет. Понять же, чем дорог был автору его герой, помогают дневниковые записи Пришвина: «Никакая «положительная» деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за кото-

рой стоило бы лишиться покоя... Иначе и быть не может в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, а только деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом для других, может быть противоположена обломовскому покою».

Начинавший в рамках натуральной школы, поддержанный Белинским, который увидел в «Обыкновенной истории» — первом значительном произведении писателя — «страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму», Гончаров и впредь ни на йоту не поступался тем реализмом, который был выношен русской литературой. Он действительно последовательный, прирожденный реалист. Но можно ли сказать о нем жестче — «суровый реалист» или «беспощадный реалист»? Разумеется, нет. Никогда тенденция не становилась у него самодовлеющей, никогда идеологическая заданность не сковывала его по рукам и ногам. Он сторонился околотипичной суеты, был удивительно свободен от чужих мнений, сколь бы агрессивны они ни были. В эпоху шумного свержения художественных авторитетов, провозглашения «практической пользы» главным достоин-

нее всякой морали, изложенной в сентенции».

«То, что не выросло и не созрело во мне самом, чего я не видел, не наблюдал, чем не жил, — заявлял писатель, отвергая с упорной уклончивостью доводы как нетерпимых «радикалов», так и надменных «ультраконсерваторов», — то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунт, как есть своя родина, свой родной воздух, друзья и недруги, свой мир наблюдений, впечатлений и воспоминаний, — и я писал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал...»

Для Гончарова искусство было единственной любовью. Он не принимал на себя прямой роли проповедника, пропагандиста, полемиста, даже педагога. Но был очень заинтересован, чтобы «живопись» его дошла до всех. Приглашенный Александром II в конце 1850-х годов преподавать русскую словесность на следнику, Иван Александрович очень скоро отказался от этой почетной по тогдашним представлениям обязанности, тем не менее некоторые свои произведения, как свидетельствуют архивные документы, членам царской семьи посылал; иллюзия того, что чистый звон серебряного колокола может дойти до высочайшего уха, была не чужда и Гончарову, по крайней мере до конца 1870-х годов.

Но когда российский Ришелье — К. П. Победоносцев, с коим писатель был знаком лично, пытался оказать бесцеремонное давление на Гончарова, художник, слышавший мягким и нерешительным человеком, ничем не поступился. В неизданном письме к Победоносцеву, хранящемся в личном архивном фонде последнего и датированном июнем 1879 года, Гончаров корректно, однако со всей возможной определенностью настаивает на своих принципах:

«Позвольте также напомнить (как я лично объяснял), что я держался в статье этой («Лучше поздно, чем никогда», — Н. Р.) в «пределах строго-литературных» в сфере вопросов искусства, художественного творчества и т. п., упоминая о других вопросах мимоходом, не принимая на себя роли судьи — в областях религии, политики и т. д., в чем мне, как некомпетентному судье, не поверили бы и обвинили бы, пожалуй, в так называемом «шовинизме», следовательно, в умышленном желании произвести то или другое действие».

Успеха, таким образом, в том смысле, какой я придаю статье, не могло бы быть — если б я, например, вышел в открытую газетную полемику или борьбу с Волоховыми, выказав свое негодование, пустив в них гром и молнию. Это никогда не удастся, все заподозрили бы умысел, тенденцию, и ничего бы не вышло. Я могу иметь вес только как критик или художник-беллетрист: тут мой голос возымает какое-нибудь действие, но, увы, я ноты или коснусь прямо и непосредственно других струн, кроме искусства, мне веры не дадут».

Темы Гончарову могли задавать лишь собственные художнические впечатления и движения собственного сердца.

Слова, сказанные писателем об отечественных талантах, справедливы прежде всего по отношению к нему самому: «Если они честны, искренни — они найдут прямой путь — и будут полезны России!»

Н. РАБКИНА,
кандидат исторических наук

* Целиком это письмо будет опубликовано мною в гончаровском томе «Литературного наследства».

Архив ЛГ

«Я ПИСАЛ
ТОЛЬКО ТО,
ЧТО ПЕРЕЖИВАЛ,
ЧТО МЫСЛИЛ,
ЧУВСТВОВАЛ,
ЧТО ЛЮБИЛ...»

ДИАПАЗОН поэтического видения Гончарова поражаел широтой, а взгляд — обстоятельностью неторопливостью. В собственных произведениях художнику важен и дорог был исторический смысл. «...Это — одно огромное здание, — писал он в 1869 году об «Обыкновенной истории», «Обломове» и «Обрыве», — одно зеркало, где в миниатюре отразились три эпохи...» Он настаивал на этом и позже. «В трех романах моих, — писал он в 1877 году, — хоть тускло и слабо, отразились три момента русской жизни (в доступных автору сфере и размерах): сна, пробуждения и первых лучей зареи новой жизни».

Если снять, может быть, нарочитый налет скромности, то станет очевидным, что Гончаров считал себя летописцем сложного переломного времени: — 1840 — 1860-х годов.

И этот художник, который настаивал на исторической, социальной миссии искусства, как никто, волновался по поводу его независимости и ратовал о подчинении лишь одному богу — художественной правде. «...Художественная правда и правда действительности — не одно и то же. Явление, перенесенное целиком из жизни в произведение искусства, потеряет истинность действительности и не станет художественною правдою... Пособием художника всегда будет фантазия, а целью его, хотя и несознательною, пассивною или замаскированную, стремление к тем или другим идеалам...»

Объективная реальность, мировоззрение и творческая фантазия — три компонента художнической деятельности, по Гончарову, три компонента истинного искусства, без которого просто-напросто невозможно существование цивилизованного общества. Отсутствие настоящей литературы, писал Гончаров в «Обыкновенной истории» — авторской исповеди, обращенной к потомкам, — это «беда»: «Это значит, что и правительство, и общество ослепло и оглохло бы и возвратилось к первобытному состоянию».

Исходя вслед за Пушкиным из того, что задача искусства и литературы всем развязать глаза и уши — и имущему земную власть, и его согбенному, писатель призывал к уважению ума и таланта, предостерегал от внешних, грубых давлений на искусство, от принуждения истинного художества к «мелкой роли» и сосредоточению «своих лучей над злобой дня».

«Талант имеет то драгоценное свойство, — еще и еще раз повторял Гончаров, — что он не может лгать, искажать истину; художник перестает быть художником, как скоро он станет защищать софизм, а еще менее, если он вздумает изображать сознательную ложь».

По мнению Гончарова, «верная сцена или удачный портрет действуют силь-

рабочее чтение